

УДК 17.171

ЭТИКА И ЭТИКЕТ

Н.А. НЕКРАСОВА, Ф.А. ТРИГУБЕНКО

В статье предпринята попытка разграничения двух различных моделей нравственного мышления и поведения. Одна из них под нравственностью понимает строгое и даже ригористичное следование этикету – нормам, ритуалу, заповедям, законам, канонам. Нарушение этикета или пренебрежение им считается неэтичным, проявлением безнравственности, аморальности. Таким образом, этикет и нравственность отождествляются. Подобное понимание нравственности имеет своим истоком этическую парадигму Аристотеля. Но существует и иная, противоположная парадигма – этика И. Канта, в которой нравственность понимается не как форма поведения, а как онтологическая сущность. И в этой (кантовской) нравственной парадигме этикету придаётся лишь служебное значение.

Ключевые слова: этика, этикет, нравственность, мораль, этос, фьюсис, разум, метафизика, формальная логика, золотое правило нравственности, категорический императив, цель, средство, эвдемонизм, нравственный закон.

Многие люди убеждены, что подлинной, хотя и не очевидной причиной всех кризисов – социальных, политических, экономических – является кризис в нравственной сфере. Но единодушие и солидарность разделяющих этот постулат резко сменяется разногласиями и противоречиями, как только появляется необходимость определения понятия «нравственность». И пусть само требование обоснования морали не является ни новым, ни оригинальным, оно, тем не менее, никогда не теряет своей актуальности. А в кризисные периоды, когда обесцениваются многие ценности, часто единственным обоснованием человеческих деяний становится лишь их моральное обоснование. И в эти периоды проблема обоснования самой морали становится особенно актуальной. Потому, думается, немаловажным шагом в проблеме определения нравственности как таковой является проведение «этической демаркации» – разделения часто отождествляемых принципов и способов этического мышления и поведения. В предлагаемой статье предпринята «демаркация» этических понятий «этика» и «этикет», поскольку смешение понятий может привести к их подмене и, как следствие, подмене ценностей и целей, «идолов и идеалов» [6, с. 125].

«Этика» и «этикет» – слова однокоренные, что предполагает если и не тождественность этих понятий, то уж наверняка их этимологическую родственность. «Этика» – учение о нравственности, теория нравственности и, одновременно, дублёр самого понятия «нравственность». (Термины «этика», «мораль» и «нравственность» приблизительно однотипны по своему этимологическому содержанию и потому используются в статье как взаимозаменяемые).

«Этикет» – свод правил приличия, алгоритм поведения субъекта вида *homo sapiens* («человеческого детёныша») в человеческом же сообществе. И поскольку онтогенез не должен и не может противоречить филогенезу, жизнедеятельность человеческого индивида обязана соответствовать закону существования всего вида. Если иначе – то индивид суть мутант, т.е. урод, что предполагает его изоляцию или, в крайнем случае, уничтожение. Это означает, что закон существования человеческого рода принципиально отличен от закона бытия природы в любом её проявлении. Собственно человеческое (родовое) бытие именовалось в античной Греции термином «этос». Антитезой «этосу» как внеприродной специфике индивида являлось у греков понятие «фьюсис», под которым подразумевалась физическая, естественно-биологическая, физиологическая, природная основа человека, видовая её основа. Поведение в соответствии с видовыми, т.е. природными, естественными инстинктами («фьюсис») оказалось неприемлемым в человеческом обществе. «Этос» – родовое качество человека, его сущность и атрибут, доминировал над «фьюсисом» – видовым качеством. «Этос» (как субстанциональная причина всех проявлений человеческой сущности), очевидно, является началом неприродным, неестествен-

ным, противоестественным. «Фьюсис» – начало природное, естественное. Впервые на этом различии стал настаивать Ксенофан, основатель школы элеатов.

Поведение человека во всех стандартных и нестандартных жизненных ситуациях обязано было соответствовать его этической, нравственной сущности, поскольку продиктовано ею. Поэтому неосознанно и непреднамеренно появилась диктатура «этоса-законодателя» как неписаное законодательство, как свод этических законов – процедур жизнедеятельности человека в социуме. Впервые Сократ задался вопросом о том, «кто?» (или «что?») является этим диктатором, и на каком основании мы обязаны подчиняться диктату. Легален ли и легитимен ли моральный диктатор, или же он осуществляет свою власть «от имени и по поручению»? Сократ решил, что от имени и по поручению разума, что «этос» не самостоятелен. Однако нам данное решение проблемы Сократом менее интересно, чем сама постановка проблемы об автономности этического начала. Ведь философ более интересен и замечателен именно выявленными им и чётко сформулированными проблемами, поставленными им вопросами, а не авторским ответом на эти вопросы.

Усвоение законов-правил взаимоотношения субъектов («способов межличностной коммуникации» – в современной постмодернистской терминологии) стало необходимым и достаточным условием для самоутверждения субъекта в «человеческой стае» – в человеческом социуме. И именно в человеческом социуме, в отличие от социума животных (от лат. *socium* – общее), этическое поведение было возведено в ранг культа. Культ манер и церемониала, налагающий запрет (табу) на бесцеремонное, неэтичное поведение – это начало культуры. Налицо эффект, получивший в философии название «отчуждение»: порождённая человеком сущность стала рассматриваться как порождающая, декорации стали играть собственную роль. И если социальное поведение животных изучается этологией, сравнительной психологией и социобиологией, то учение о социальном поведении человека изучается этикой – теорией морали. До Канта монополией на изучение и обоснование нравственности обладала религия.

Сам же термин «этикет» (в современном виде и значении) как свод-список норм, правил и манер, отражающий представления о должном поведении людей в обществе, появился лишь спустя два тысячелетия после написания Аристотелем первых трактатов по этике. Считается, что термин этот вошёл в обиход при дворе короля Франции Людовика XIV, после того как перед одним из королевских приёмов гостям раздали карточки («этикетки») с изложением того, как они должны держаться в данной уникальной (конкретно-исторической) ситуации. Очевидно, что понятие «этикет», обозначавшее способ этического, морального поведения, старо как сам мир, и обозначало оно совокупность норм и правил поведения, существовавших уже с древнейших времён. Термин же «этикет» относительно молод – ему чуть более трёхсот лет.

Как бы то ни было, но истоком обоих терминов является античное слово «этос», обозначавшее специфически-человеческие общественные формы (нормы) поведения, способ существования человека в человеческом социуме. Но несмотря на несомненный приоритет этики как теории о родовой сущности человека, исторически этикет (как правила взаимодействия субъектов) предшествует этике, исторически явление предшествует сущности. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот: этичным, нравственным является поведение, соответствующее нравственному закону (как сущности онтологической). То есть логически – предшествует этика, а исторически – этикет. Это как в апории Зенона: логически – Ахиллес не догонит черепаху, фактически – запросто. Отсюда дилемма: чему следует больше доверять – теории или факту, логическому или историческому, нравственности (этике) или этикету? Этика порождена этикетом, этика – теория этикета или же сам этикет – просто обманчивая видимость, явление, которое лишь вводит в заблуждение, которой не стоит доверять?

Предполагается, что человек обязан был быть этичным, т.е. соответствовать своей родовой сущности. Этические качества (добродетели – по Аристотелю) отличаются как от природных свойств человека (аффектов), так и от качеств его ума (дианоэтических добродетелей). В конце концов, и некоторым высокоразвитым животным свойственен наряду с аффектами некоторый

уровень интеллекта – но ни одно животное не может быть этическим, этическим. Быть этическим и быть политическим – одно и то же, поскольку интересы полиса предполагали благо всего рода. Благо рода – общенародное, общее благо, родовое благо, в то время как благо индивида – это индивидуальное, персональное, эгоистическое благополучие [1, с. 97]. (Именно поэтому каждый общественный деятель пытается свой личный интерес представить как интерес всеобщий, интерес всего рода, всего народа). Если же субъект даже не пытается соответствовать общепринятым нормам отношений, не желает должным образом оформить свои законно-эгоистические действия, пренебрегает этикетом – к такому субъекту отношение становится настроенным. Нередко о человеке, осознанно, преднамеренно, надменно и эпатажно пренебрегающим правилами и нормами этикета, говорят, что он ведёт себя «цинично». Термин и понятие «циник» вошли в европейскую культуру благодаря кинику Диогену – вызывающе бескультурному типу. Он, обнаружив явное противоречие между этикой и этикетом, содержанием и формой, сущностью и явлением, и будучи возмущён этим несоответствием, посвятил свою жизнь изобличению аморальности этикета. Этикет, с его точки зрения, не что иное, как блеф, общепринятый и всеобщий способ обмана, искусство изящного сокрытия безнравственности, аморальности. Подлинной нравственности – считает Диоген – незачем рядиться в пышные одежды этикета. Дело обстоит ровно наоборот: чем изящнее манеры человека, тем скорее они призваны скрыть нравственную ущербность, неполноценность, безнравственную подоплёку. Этикет – лишь конвенция о «верности общей подлости» (А. Галич), принятая для деликатного обмана, для манипулирования окружающими, для использования их в качестве средства достижения эгоистических, частных, корыстных интересов.

Противоречие, обнаруженное и обнажённое Диогеном, было по достоинству оценено не только учеником Аристотеля – Александром Македонским, но и всеми соотечественниками, поставившим ему памятник в виде собаки. Верность и преданность в дружбе, самоотверженность и жертвенность в деле защиты этой дружбы не нуждаются ни в высокопарных речах, ни в изящных манерах. Позже Цицерон заметит, что единственным изъяном Диогена, затмившим достоинства его философии и личности, была его небрежливость и нечистоплотность – лишь этот фактор, по мнению Цицерона, воспрепятствовал распространению и популяризации его учения.

Точно также распространённое в России понятие «интеллигентность» зачастую понимается и трактуется превратно, ложно – как изысканность и утончённость манер, изящество в обхождении, возвышенность интересов, вычурность речи. На самом же деле интеллигентным следует считать человека творческого, обладающего интеллектом, способного к самостоятельному суждению, а не усвоившему стиль и манеры приличных (т.е. умных) людей. И. Кант полагал, что первым признаком глупости является отсутствие способности к самостоятельному суждению, и что от этого недуга нет лекарства. Но если нет лекарства, то есть протез, имитирующий отсутствие ума и моральных устоев – устоявшиеся и устойчивые манеры. Так и интеллигентность (в её превратном суррогатном понимании) является лишь благоприобретённой способностью продемонстрировать изысканность – что мало имеет общего с подлинной интеллигентностью. Понятно, что следование этикету является наивернейшим способом успешного достижения человеком своих интересов, поставленных целей и задач. Главное – понравиться, и тогда получишь необходимое тебе благо. Аристотель эту способность человека взаимодействовать с себе подобными, свойственную всем людям, но в разной степени у всех развитую, назвал «практическим разумом», в отличие от собственно интеллектуальных способностей человека, названных им «созерцательным», теоретическим разумом (в терминологии Канта – «чистым разумом»). Созданная Стагиритом этическая теория как раз и является учением о нравственном поведении и представляет собой свод правил, рекомендаций, способов встраивания в социум. Добродетели – средство для достижения личного блага, высшей степенью которого является счастье (эвдемонизм). Практический разум – по Аристотелю – это способность человека бесконфликтно отстаивать свои интересы в окружении таких же точно, как и он сам, субъектов, т.е. с точно таки-

ми же умными и эгоистичными субъектами, носителями «чистого разума», преследующими во всём свой собственный своекорыстный интерес. А этика – учение об усвоении и развитии этой способности миролюбивого и непротиворечивого взаимодействия умных эгоистов во всеобщей и извечной «войне всех против всех».

Этика Аристотеля вполне соответствует его метафизике. Телеологический принцип Стагирита предполагает, что всё сущее происходит не «почему-то», а «зачем-то»: первопричиной всего происходящего является цель, которой и обусловлен весь ряд причинно-следственных событий. Точно также и в его этике: цель является подлинной, субстанциональной причиной всего ряда предшествующих действий субъекта. А коль скоро целью субъекта является достижение определённого блага (в конечном счёте – личного счастья), то всё остальное, в том числе и добродетели, и манеры, и разум, и окружающие люди – всё выступает в качестве средства. Цель оправдывает средства, все средства хороши для достижения цели. Следование правилам этикета – одно из самых надёжных средств. Этика суть средство для достижения цели. В этом же ряду и учение о формах: сама по себе материя, по Аристотелю, инертна, пассивна. Она содержит лишь возможность возникновения действительного многообразия вещей. Чтобы эту возможность превратить в действительность, материю надо оформить, придать ей соответствующую форму. Форма – активный творческий фактор, благодаря которому вещь становится действительной. Этикет – это форма взаимодействия людей. Эгоистический и своекорыстный интерес каждого из них может быть удовлетворён, воплощён в действительность только и исключительно при должном оформлении – при соблюдении этикета.

Этика Аристотеля – это не только катехизис (толкование) Золотого правила нравственности, известного задолго до Аристотеля. («Относись к людям так, как хотел бы, чтоб относились к тебе») Сами добродетели у Аристотеля – понятия относительные, а не абсолютные. Так, коварство и злодейство сами по себе являются аморальными качествами, этическими недостатками, но по отношению к врагу, на войне – они суть достоинства, вполне уместны и нравственно оправданы. Но тогда они оправданы и в экономических противостояниях и противоборствах, и в политических, как и во всех прочих социальных отношениях, сопровождаемых противоречиями. И поэтому, в силу их относительности, ими можно пожертвовать и пренебречь во имя абсолютных целей. Поступок нравственен, если он логичен. Так, подобно Сократу, Аристотель подчиняет нравственность – логике. Нравственность, по Аристотелю, служанка ума, всего лишь средство, орудие для достижения поставленной разумом цели, средством производства личных благ [3, с. 79].

И в полном соответствии с Аристотелем Макиавелли «элиминирует» нравственность из политики, а Адам Смит – из экономики – что до сих пор приводит в восторг как политиков, так и бизнесменов, поскольку они получили санкцию на безнравственность. Если в нравственности нет никакого резона, если она не полезна – значит она вредна!

Нравственность, с точки зрения Аристотеля (и вопреки Платону), не существует сама по себе, а существует лишь как продукт и результат взаимодействия противоборствующих сил. Точно так же в классической механике Ньютона сила как таковая сама по себе – понятие бессмысленное: сила может появиться и проявиться лишь в результате взаимодействия двух тел, обладающих массой. У Аристотеля нравственность появляется лишь в результате взаимодействия-столкновения субъектов, обладающих разумом [4, с. 134]. Сила действия должна быть равна силе противодействия – так в природе. И если также точно в обществе, то человек – существо естественное, природное, подобно животному, где господствует более сильное физически (или более разумное). Физическая сила предполагает насилие, а в цивилизованных странах физическое насилие преследуется по закону. Поэтому в качестве надёжного средства достижения своих целей люди используют этикет как самый простой, но при этом надёжный тактический приём (именуемый «тактом»), как верный ресурс для того, чтобы произвести благоприятное впечатление, понравиться.

Но если нравственность как таковая не реальна, а номинальна, то она и не может быть самоценна. И, значит, быть нравственным – глупо. Сократ полагал, что лишь глупец может позволить себе быть безнравственным. Сегодня же – ровно наоборот: лишь глупец может позволить себе быть нравственным. Если каждый преследует свой эгоистический интерес и ставит его превыше всего, то этика вырождается в этикет – что вполне соответствует Аристотелю. Быть нравственным не нужно, если это качество не сулит никакой выгоды, не полезно, т.е. вредно! А если оно – бесполезно, то оно бессмысленно, неразумно, глупо. Поэтому всё чаще мы встречаемся с грубостью, хамством, сквернословием, чванством, пренебрежением интересами окружающих. Этика становится этикетом, который используется лишь в утилитарных, прагматических целях – для получения выгоды. Поэтому часто люди, в высшей степени безнравственные, производят впечатление чрезвычайно интеллигентных, воспитанных, учтивых, внимательных и доброжелательных людей. И именно поэтому субъекты, желающие произвести самое хорошее впечатление и изо всех сил пытающиеся понравиться, настораживают, вызывая в памяти образ Тартюфа или племянника Рамо.

Альтернативой этике добродетелей Аристотеля стала этика долга Иммануила Канта. Но при этом, по недоразумению, этику Канта чаще всего понимают и трактуют как продолжение и развитие этики Аристотеля. Хотя Кант произвёл «копернианский» переворот и в философии, и в этике как её составной части, её важнейшего раздела [2, с. 189]. Именно Кант, вопреки этике Аристотеля, требует относиться к людям не как к средству, а исключительно как к цели. Это означает невозможность использования окружающих для достижения каких бы то ни было корыстных задач и целей. И не только окружающих людей, но и сложившихся обстоятельств: согласно Канту, безнравственно было бы использовать колебания курса доллара в целях личного обогащения. Точно так же, если врач, строитель, полицейский или учитель – кто угодно – использует свою должность в качестве средства для собственного существования и обогащения – такой субъект безнравственен. Следование профессиональному этикету отнюдь не означает следование нравственному долгу. «Золотое правило» призывает: дай взятку – и тебе дадут, не заметь чужую подлость – и твою не заметят, «не суди – да не судим будешь». За добро следует заплатить добром, добро – это разменная монета. И глуп тот врач, который станет лечить бесплатно, бескорыстно, руководствуясь лишь клятвой Гиппократова. Клятва – форма, ритуал – и не более того.

«Категорический императив» Канта призывает никогда, ни при каких обстоятельствах не руководствоваться эгоистическими соображениями и интересами: не давать взятку и не ждать её, не скрывать подлость, а осуждать её. «Поступай всегда так, как если бы твой поступок мог стать основой всеобщего законодательства» – таково, в вольном изложении, основное требование категорического императива. Кант, кстати, вопреки общепринятому этикету, относился к своим родным не лучше, чем к прислуге: высказывать предпочтение кому-нибудь на основании лишь родства по крови – безнравственно [7, с. 167].

Этика Аристотеля эвдемонистична: наивысшим благом, целью является достижение счастья. Согласно Канту – счастье и нравственность несовместимы: подлинно нравственный человек никогда не может быть счастливым, а счастливый – подлинно нравственным. Перефразируя известную шутку – нравственного человека не испортят ни власть, ни богатство, поскольку подлинно нравственный человек никогда не сможет ни властвовать, ни быть богатым.

Аристотель – «отец-основатель», законодатель науки логики: для всего происходящего должно быть необходимое и достаточное основание. По Канту же ровно наоборот: подлинно нравственный поступок не может и не должен иметь логического обоснования. Более того, нравственный поступок всегда и исключительно алогичен. И соответственно любой поступок, совершаемый «зачем-то» и «почему-то», т.е. имеющий логическое основание и обоснование, нравственным назван быть не может. Даже если некто, подавая нищему, испытывает гордость от собственного великодушия, то его поступок является лишь самолюбованием, т.е. продиктован эгоистическим мотивом – и потому он не вполне нравственен [5, с. 365].

Таким образом, в основании этики Аристотеля лежит этикет как единственно верный способ жизнедеятельности, следование которому и является атрибутивным свойством человека, соответствующим его родовой сущности. В этике же И. Канта этикету отводится второстепенная, служебная роль. «Этика долга» и категорический императив, «нравственный закон внутри нас» – вот что является родовой сущностью человека, той подлинной субстанцией, которая выделяет человека как из животного мира, так и из всего космоса – «звёздного неба над нами». А «этика» и «этикет» в той же степени родственны и однородны, как однородны «геоцентризм» и «гелиоцентризм».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель.** *Никомахова этика* // Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А.И. Доватура / пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 420 с.
2. **Асмус В.Ф.** *Иммануил Кант*. М.: Высшая школа, 2005. 380 с.
3. **Гусейнов А.А.** *Этика Аристотеля*. М.: Знание, 1984. 34 с.
4. **Гусейнов А.А.** *Мораль и разум*. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/guseynov_mora/ (дата обращения 10.11.2014).
5. **Кант И.** *Лекции по этике* / под общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова / пер. с нем. А.К. Судакова, В.В. Крыловой. М.: Республика, 2000. 512 с.
6. **Максимов Л.В.** *Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты*. М.: Мысль, 1991. 242 с.
7. **Мамардашвили М.** *Кантианские вариации* / под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Аграф, 1997. 214 с.

ETHICS AND ETIQUETTE

Nekrasova N.A., Trigubenko F.A.

The article attempts to differentiate and even contrast the two different models of moral thinking and behavior. One of them considered morality as strict and even rigorist following etiquette - rules, rituals, commandments, laws, canons. Breach of the etiquette or neglecting it is considered unethical, a manifestation of immorality, wickedness. Thus, etiquette and morality are identified. Such a conception of morality results from the ethical paradigm of Aristotle. But there is another, opposite paradigm - the ethics of Kant, in which morality is understood not as a form of behavior, but as an ontological entity. And in this (Kantian) moral paradigm etiquette has only a service value.

Keywords: ethics, etiquette, morality, ethos, fuses, mind, metaphysics, formal logic, Golden Rule, the categorical imperative, objective means eudemonism, the moral law.

REFERENCES

1. **Aristotel'.** *Nikomahova jetika*. Sochinenija: v 4-h t. Pod obshh. red. A.I. Dovatura. Per. s drevne-grech. N.V. Braginskij. M.: Mysl'. 1984. T. 3. 420 p. (In Russian).
2. **Asmus V.F.** *Immanuil Kant*. M.: Vysshaya shkola. 2005. 380 p. (In Russian).
3. **Gusejnov A.A.** *Jetika Aristotelja*. M.: Znanie. 1984. 34 p. (In Russian).
4. **Gusejnov A.A.** *Moral' i razum*. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/guseynov_mora/ (data obrashhenija 10.11.2014). (In Russian).
5. **Kant I.** *Lekcii po jetike*. pod obshh. Red., sost. i vstup. st. A.A. Gusejnova. Per. s nem. A.K. Sudakova, V.V. Krylovoj. M.: Respublika. 2000. 512 p. (In Russian).
6. **Maksimov L.V.** *Problema obosnovanija morali: logiko-kognitivnye aspekty*. M.: Mysl'. 1991. 242 p. (In Russian).
7. **Mamardashvili M.** *Kantianskie variacii*. Pod red. Ju.P. Senokosova. M.: Agraf. 1997. 214 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Некрасова Нина Андреевна, окончила ХГУ (1973), КГУ (1979), профессор, доктор философских наук, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор около 300 научных работ, область научных интересов – онтология, философия науки и техники, философская антропология, этика, политология.

Тригубенко Фёдор Александрович, 1957 г.р., окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1986), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии МГУПС (МИИТ), автор более 15 научных работ, область научных интересов – этика, история философии.